

Глава 9

После ужина Линь Сынянь, Фэйфэй, Линь Цзинли и Линь Хань переместились в задний сад поместья.

В глубине сада располагалась небольшая крытая игровая площадка. Хотя и маленькая, но в ней было всё необходимое. Эта площадка существовала ещё с тех времён, когда Линь Цзинли и Линь Сынянь были детьми. Позже, когда у Линь Цзинли родился Линь Хань, она перешла в его владение.

Но со временем Линь Хань вырос и уже не приходил сюда так часто, как в детстве. В последние два-три года эта маленькая игровая площадка пустовала и не видела такого оживления, как сегодня.

Линь Хань вырос, но теперь появился маленький Фэйфэй. Заманить ребёнка на игровую площадку — это было почти что жульничество.

Хотя в последние годы сюда заглядывали редко, площадка сохранилась в идеальной чистоте. Краска на деревянной лошадке-качалке сияла так ярко, словно её только что изготовили.

Малыш, который с самого рождения не выходил из дома, а в парке и вовсе никогда не был, увидев такое, замер на месте с разинутым от изумления ртом. Его глаза, полные восторга, выдавали в нём маленького провинциала, впервые попавшего в большой город.

Видя такое простодушие, Линь Сынянь не выдержал первым. Он подхватил Фэйфэя и, зашагав внутрь, на ходу бросил:

— Нравится? Если хочешь, папа тебе дома такую же построит.

Болезнь малыша прошла, и Линь Сынянь как раз собирался переезжать из старого особняка. А раз уж переезжать, то почему бы не выбрать место попросторнее, которое придётся по душе малышу.

Сказав это, Линь Сынянь подошёл к маленьким качелям-балансиру и усадил на них малыша.

Одна сторона качелей опустилась под весом ребёнка, другая осталась вверху. Линь Сынянь научил малыша держаться за ручку, а сам, едва придерживая его за спину, с лукавством наблюдал, как тот, плюхнувшись на землю, растерянно моргает.

Фэйфэй никак не мог понять, что он играет на качелях, а Линь Сынянь играет с ним. Поёрзав на сиденье и видя, что качели не двигаются, он протянул ручки к Линь Сыняню:

— Папа, хочу слезть. Это неинтересно.

Линь Сынянь улыбался, но рук не протягивал.

— Интересно.

Очень доверчивый малыш попробовал ещё раз. На этот раз он не просто ёрзал, а изо всех сил раскачивался всем тельцем. Попробовав, Фэйфэй снова серьёзно посмотрел на Линь Сыняня большими глазами и покачал головой.

— Папе интересно, Фэйфэю не интересно.

«Наверное, для папы вот так сидеть и качаться — это уже очень весело».

— Папе не интересно, это Фэйфэй интересный, — сказал Линь Сынянь, намеренно искажая смысл слов малыша, пользуясь тем, что ребёнок ещё не умел строить длинные предложения.

Другая пара — отец и сын — с холодным видом наблюдала за этой сценой.

У Линь Ханя в голове билась только одна мысль: «Инфантильно. Слишком инфантильно».

И это «инфантильно» относилось не к Фэйфэю, а к Линь Сыняню, которому уже скоро стукнет тридцать. Неужели ему интересно так издеваться над трёхлетним малышом?

Пока Линь Хань размышлял, кто-то хлопнул его по плечу и подтолкнул вперёд.

Он услышал, как Линь Цзинли, который его и толкнул, с улыбкой сказал малышу:

— Для этой игры нужно двое. Брат очень любит Фэйфэя и давно хотел с ним поиграть.

Линь Хань, которого вытолкали вперёд, готов был взорваться от негодования. Он только вчера узнал, что у него появился маленький двоюродный брат, откуда взяться этому «давно»?

Но, встретившись с чистым, полным надежды взглядом малыша, Линь Хань почему-то не смог сказать ничего, что могло бы его огорчить.

Это было странно. Раньше он бы, может, и промолчал, но уж точно отказался бы. Потому что это было глупо и неинтересно.

В конце концов, Линь Хань медленно опустился на другую сторону качелей.

Четырнадцатилетний юноша ростом более ста семидесяти сантиметров смотрелся на маленьких качелях как великан, совершенно неуместно. Ему приходилось то выпрямлять ноги, то с силой сгибать их, чтобы управлять движением качелей.

Качели начали размеренно подниматься и опускаться. Иногда, под контролем Линь Ханя, они делали резкий рывок вверх или вниз.

Под защитой Линь Сыняня, стоявшего сзади, Фэйфэй наконец почувствовал вкус игры.

«Оказывается, папа был прав, это действительно весело!»

Сначала малыш крепко держался за ручку, но потом, осмелев под защитой Линь Сыняня, он бесстрашно раскинул руки в стороны, подражая крыльям птички.

Фэйфэй смутно помнил, как когда-то лежал на зелёной траве и смотрел в небо, где парило множество прекрасных мифических зверей. У многих из них были крылья неопишуемой красоты.

— Лечу, Фэйфэй летит!

Малыш смеялся от души. Его звонкий, ещё по-детски нежный смех эхом разносился по игровой площадке.

Поддавшись его веселью, все присутствующие невольно улынулись, и в их глазах зажглись искорки настоящей радости.

Какой же он непритязательный, этот малыш. На площадке было столько всего интересного, а он так радовался обычным качелям.

Линь Хань, заразившись весельем Фэйфэя, кажется, и сам забыл, что вначале лишь подыгрывал ребёнку. Он с улыбкой крикнул малышу напротив:

— Осторожно, я ускоряюсь!

— Ух ты! — от резкого движения малыш снова вцепился в ручку, но тут же нашёл новое развлечение. Он подпрыгивал на сиденье, словно скача на лошади, а его глазки от смеха превратились в полумесяцы.

Линь Сынянь всё это время стоял за спиной Фэйфэя, страхуя его. Когда малыш наконец слез с качелей, он ещё не привык к твёрдой земле и шёл, пошатываясь.

Линь Хань рассмеялся:

— Фэйфэй, ты что, вечером вина выпил? Так опьянел, что и на ногах не стоишь.

Малыш не знал, что такое вино, но он действительно шёл неуверенно, поэтому честно признался:

— Фэйфэй опьянел, не может стоять.

В ответ он услышал лишь новый взрыв смеха Линь Ханя.

Отдохнув минут десять, малыш снова набрался сил. Он с новыми силами указал на извилистое сооружение впереди, внутри которого ничего не было видно, и спросил:

— А это что?

— Лабиринт, — опередил всех Линь Хань. Его глаза блеснули, и в голове созрел план. — Мы будем играть здесь.

— В игру про гусеницу? — малыш всё помнил.

Линь Хань кивнул.

— Точно, в игру про гусеницу. Я с тобой в команде.

Сказав это, юноша подхватил малыша, крепко прижал к себе и побежал.

На бегу он обернулся и крикнул Линь Сыняню и Линь Цзинли:

— Игра началась! Если за десять минут нас не найдёте — проиграли. А проигравшие превращаются в гу-се-ниц! Не забудьте!

Он специально сделал акцент на последних словах. И, не давая Линь Цзинли и Линь Сыняню шанса отказаться, мгновенно исчез вместе с малышом за стеной лабиринта.

Линь Сынянь со злорадством заметил:

— Это он тебе мстит.

Линь Цзинли проигнорировал его слова и достал телефон. Поколдовав немного, он вывел на экран чёткое изображение с камер наблюдения внутри лабиринта.

Линь Сынянь: «...»

Исход был предreshён. С помощью камер Линь Цзинли и Линь Сынянь без труда нашли Линь Ханя, который прятался вместе с Фэйфэем.

Выйдя из лабиринта, Линь Сынянь присел на корточки и, ткнув пальцем в носик Фэйфэя, сказал:

— Маленькая гусеничка, вы проиграли.

В его голосе не было ни капли смущения от того, что победа была достигнута обманом.

Хотя они и проиграли, малыш был очень счастлив. Его глаза сияли, словно в них отражались мириады ярких звёзд.

***

На втором этаже дома Линь, в комнате Линь Ханя.

Фэйфэй и Линь Хань были завернуты в одеяла, превратившись в два кокона. Фэйфэй, сам того не зная, начал подражать гусенице, медленно ползая по полу.

Пухлая гусеничка, в которую он превратился, от каждого толчка папы катилась по полу. Наказание превратилось в новую весёлую игру.

На этот раз их связали гораздо слабее, чем тогда Линь Ханя.

Наконец, Линь Сынянь, взяв на руки маленькую «гусеничку», понёс его в комнату мыться и спать. По дороге он с улыбкой спросил:

— Весело было играть?

— Весело, — волосы малыша от игры вспотели и прилипли ко лбу. Он потёрся щекой о шею папы. — Папа весёлый, дядя весёлый, брат весёлый. Все весёлые.

Линь Сынянь на мгновение замер, а потом кивнул.

— Фэйфэй прав. Сегодня всем было очень весело.

В комнате Линь Ханя, когда веселье улеглось, остались только он и Линь Цзинли.

Линь Хань всё ещё лежал на полу, связанный, но на этот раз он мог легко освободиться.

Улыбка на его губах постепенно угасла. Он рассеянно смотрел в потолок и с недоверием спросил у Линь Цзинли, словно спрашивая самого себя:

— Я ведь только что смеялся? Правда, смеялся?!

Он рывком сел, с лёгкостью разорвав путы, и, запинаясь и жестикулируя, обратился к Линь Цзинли:

— Я только что очень долго смеялся. Вот так. — Он растянул губы в улыбке. — Я был так счастлив, правда. Когда я прятался с Фэйфэем в лабиринте, я всё время смеялся. У меня всё в порядке, пап, понимаешь? У меня всё в порядке!

Он не удержался от догадки:

— Может, дедушка Ван ошибся? Мой переходный период ещё не начался. Я просто... просто был в плохом настроении несколько дней. Обычно переходный период начинается в десять лет, а мне уже четырнадцать, это и так ненормально. Может... может, мне повезло, и у меня вообще не будет переходного периода? Пап, как ты думаешь?

Линь Хань с отчаянной надеждой смотрел на Линь Цзинли, жаждая услышать от него подтверждение.

Это чувство было слишком прекрасным.

Самое жестокое в этом мире — не отчаяние, а проблеск надежды в пучине отчаяния, который затем снова гаснет.

Линь Цзинли всегда был непроницаем, и даже Линь Хань не мог угадать по его лицу, о чём он думает.

— Попробуй ещё раз, — безжалостно разрушил его иллюзии Линь Цзинли.

Попробовать что?

Линь Хань застыл, пытаясь снова растянуть губы в улыбке, но ничего не получалось. Его

взгляд снова потускнел.

Не получалось. Как бы он ни старался, не получалось.

Он с силой ударил кулаком по полу. Несмотря на мягкий ковёр, звук получился глухим.

<http://bllate.org/book/13654/1582370>